

Мюзикл pret-a-porter

Знаменитый кутюрье Пьер Карден привез в Москву два мюзикла своего театра Espace Cardin

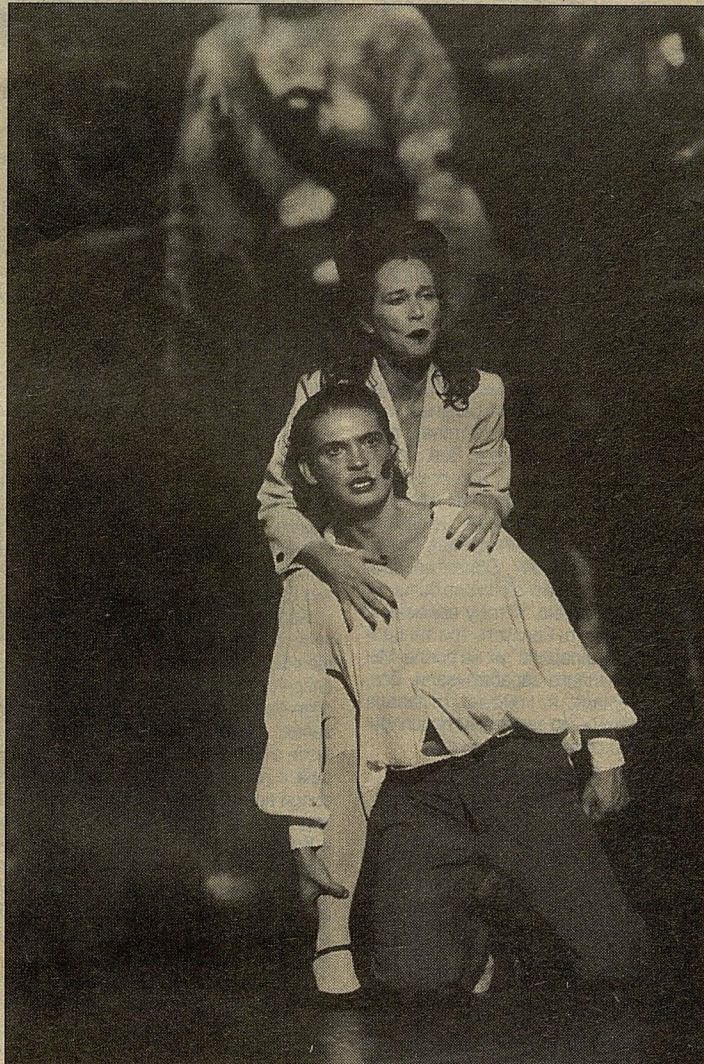
Перед занавесом Театра им. Маяковского мэтр охотно вспомнил всех своих русских друзей, начиная с "мадам Фурцевой, с которой я был в прекрасных отношениях", слеplенных в скороговорку "Толстой, Тургенев, Достоевский", и заканчивая "мон ами Андре Вознесенски", сидевшим в первых рядах партера. Помянул устроенные им легендарные гастролы "Ююны" и "Авось" в Париже, чем слегка растрогал публику. Поблагодарил организаторов гастролей нынешних — концерт "Милан" и агентство "Жарптица". Поведал, как "поразился мастерству" и включил в постановку танцевальный ансамбль чеченских подростков "Ловзар" (ансамбль по случаю гостил в Париже), дополнив этот пассаж риторикой о себе как о после мира. И пояснил, что молодежь сегодня очень любит мюзиклы.

Открывающий гастролы "Тристан и Изольда" по заказу Кардена написали Марк Демельмистер и Жан-Жак Женевар. Видимо, трио "отцов" хотело сообщить опусу истинно французский формат жанра, с акцентом на музыкальную составную и меньшим вниманием к сценодвижению и сценографии. О чем-то подобном москвичи могли получить представление на "Нотр-Даме". На эти приоритеты намекали включенные в музыку модные кельтские мотивы, блюзовые и роковые аранжировки, уходы в классический шансон. Но как раз музыкальная основа как база спектакля оказалась кислой. Однообразные и очень несложные мелодии, зонги героев с вереницей повторяющихся

припевов как будто утопили все действие в вязком иле серости. Аранжировка с внятным четырехдольником напомнила стиль циркового оркестра, а после двадцати минут действия уже и мелодика перестала раздражать своей общеупотребительной красотой. Более-менее точным попаданием выглядели первый дуэт главных героев, только что испивших волшебного напитка, да тема Тристановой рати из синтезированных кельтских мелодий — и то благодаря дополнительным обстоятельствам: Тристан с бедноватым вокальным диапазоном вытягивал роль актеры, а пресная Изольда вызвала уважение как раз вокалом, хотя, целуясь, аккуратно отводила нос от радиомикрофона любимого.

Режиссура прослоила вокал танцевальными заставками, статичные мизансцены не мог оживить слабенький миманс, танцы со смятыми падебасками выглядели совсем беспомощно. Неизвестно, совпала ли световая партитура спектакля с версией в стенах Espace Cardin, но самым галантным было бы списать ее бедность на тщедушную аппаратуру Театра Маяковского. Декораций не было. Совсем никаких. Хотя жанр не предполагает black box и прочего визуального лаконизма.

И стоило бы навсегда забыть это странное театральное впечатление, когда бы не три соломинки, за которые можно ухватиться. Во-первых, мать Изольды (Анн-Мари Гюдар) принесла в роль шарм "маленькой француженки без возраста", облада-

Сцена из спектакля "Безумства Дали"

тельными сильным, с хрипкой, голоса. Во-вторых, костюмы: рюши и пайетки дам, пластроны и "византийские" наряды рыцарей, даже трикотажные юлоты миманса как минимум цепляли внимание. И в-третьих, никому не известный и неизвестно кем и как собранный ансамбль чеченских танцоров. Они честно недотягивали до профессионалов, зато статью и манерой движений отвечали рыцарскому кодексу, а когда миманс тчетно изображал бой, эти бились, не помня о рампе, так что искры долетали до третьего ряда. В конечном счете Карден оказался прав: нотка непосредственности, которой спектакль обязан "Ловзару", не дала ему превратиться в совсем заурядное зрелище.

Второй гастрольный спектакль оказался приписан к мюзиклам по недоразумению. "Безумства Дали" — это "музыкально-драматическая постановка", такая же скучная, как и ее штампованные филармонические аналоги, хотя с персоной главного героя можно было разыгаться в любом формате. Дали получился похожим на незабвенного Георгия Миллера в киносказках, одна беда — Мил-

ляр был интереснее. Идущие без перевода длинные монологи мерно перебивались заставками — то шестерка отцов сюрреализма посидит на сцене спиной к залу (на спинках стульев надписи — Тцара, Арагон, Элюар), то дама с прической Галы вдохновит героя на сексуальный опыт, то попрыгает миманс в серебристых комбинезонах. Ликбез (Дали излагал свои взгляды на мир), комикс, пустая экспресс-энциклопедия — это было чем угодно, но не мюзиклом точно.

Гастролы провоцируют вопросы о магии имени: объяви о собственных спектаклях Слава Зайцев или Валентин Юдашкин, театралы отнеслись бы к ним с большим стартовым скепсисом. Другое дело — Карден. Старый друг России, эталон вкуса и все такое. Вроде бы и ругать неловко. Но только давайте называть вещи своими именами: будь театр любимой, дорогой игрушкой мэтра или изящным рекламным проектом, к сфере искусства это относится очень условно. И расстояния здесь больше, чем от высокой моды до изделия прет-а-порте.

Лейла ГУЧМАЗОВА

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Сцена из спектакля "Тристан и Изольда"

Кучьтура-2003-30 окт.-5 нояб.-с. 13